

тивно, в духе европейской мультикультурной корректности; однако «подводные камни» были непреодолимы: сопротивление шло и «сверху» и «снизу». Авторы, пишущие (под разным углом зрения) об этой истории (Диа Анагносту и Руби Гропас, Глава 4, и Димитрис Антониу, Глава 7) показывают, насколько «мусульманский вопрос» остается болезненным для греческой исторической памяти; но они показывают также, как дебаты о мечети стали еще одной лабораторией для переоценки роли Церкви в греческом обществе и государстве. Об этой же переоценке, но применительно к статусу всех религиозных меньшинств (не только мусульман, но и католиков, протестантов, евреев, иеговистов и цыган), пишет Продромос Яннас (Глава 5).

Книга в целом дает богатейший материал, «схватывает» греческое православие в сложной динамике, определяемой постоянным реагированием на непрекращающиеся кризисы власти и неизбежный кризис идентичности. Возможно, для общей картины не хватает нескольких вещей: прямого анализа отношений Греческой церкви с Константинопольским патриархатом; более систематической дифференциации разных групп и ориентаций внутри Церкви; и, наконец, аналитической этнографии всей толщи «фольклорного», народного православия — того самого, которое наверняка значительно меняется, но пока еще определяет относительно высокий «фон религиозности».

А. Агаджанян

Studying Global Pentecostalism: Theories and Methods/Eds. Allan Anderson, Michael Bergunder, André Droogers, and Cornelius Van der Laan. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2010. — 310 p.

В целом море недавних научных публикаций в области изучения пятидесятничества и харизматических движений эта книга выделяется как действительно уникальная по охвату материала и его концептуальному осмыслению. Редакторы и авторы поставили себе целью оценить нынешнее состояние этой

области исследований в контексте новейших подходов в различных академических дисциплинах. Это не просто собрание сведений о том, что было сделано в этой области за последние десять-двадцать лет, но серьезная попытка сверить конкретные эмпирические исследования с общим состоянием теории и мето-

дов в гуманитарных и общественных науках. Поэтому задача книги, действительно, недвусмысленно амбициозна.

Книга стала результатом долгосрочного проекта под названием *European Research Network on Global Pentecostalism* (GloPent; website: <http://www.glopent.net/>), начатого в 2004 году тремя исследовательскими институтами: Центром изучения пятидесятничества и харизматического движения при Бирмингемском университете (Centre for Pentecostal and Charismatic Studies at the University of Birmingham), представленным Аланом Андерсоном; Центром Холленвегера при Амстердамском свободном университете (Hollenweger Center at the Vrije Universiteit Amsterdam), представленным Андре Дрогерсом и Корнелиусом ван дер Ланом; и Отделением истории религий и миссионерских исследований богословского факультета Гейдельбергского университета, которое представлено Михаэлем Бергундером.

Участники проекта и авторы представляют несколько дисциплин: историю, культурологию (cultural studies), гендерные исследования, психологию, социологию, антропологию и теологию. Идея состояла в том, чтобы соединить эти перспективы таким образом, который позволил бы перейти от *мультидисциплинарного* рассмотрения

пятидесятнического/харизматического христианства к рассмотрению *междисциплинарному*. На мой взгляд, авторам удалось продвинуться в этом направлении. Об этом свидетельствует, в частности, то, что все авторы, обозначая достижения и лакуны в своей собственной дисциплине, обращаются к другим дисциплинам, стараясь понять, как можно было бы подход «своей» дисциплины включить в более широкие рамки. Я бы выделил в этом смысле очень интересные соображения Джоэла Роббинса о том, каков мог бы быть вклад антропологии, т.е. что именно могла антропология раскрыть опираясь на ее специфические подходы и методов. Однако такого рода размышления присутствуют и у других авторов, в том числе и во введении Алана Андерсона.

Проект амбициозен и в другом отношении: среди авторов книги — как инсайдеры, так и аутсайдеры, то есть и ученые-пятидесятники, и те, кто пятидесятниками не являются. Это сознательная позиция, которая проблематизирует саму суть споров о научной эпистемологии, академической объективности и субъективности. Профессиональная установка в академической среде состоит в том, чтобы быть «объективным» настолько, насколько это возможно; в то же время в последние де-

сятилетия новая академическая чувствительность сделала невозможными претензии на обладание совершенной нейтральностью. В данном конкретном случае невозможно игнорировать растущее количество исследований, осуществленных учеными, в основном теологами, которые сами принадлежат к пятидесятническим церквям. Эти исследователи обладают некоторой инсайдерской интуицией, которая может скорректировать и обогатить общее видение рассматриваемого феномена. Как пишет Андерсон во введении, «внешний исследователь-агностик может рассматривать типично пятидесятническую практику чисто функционально, не более как еще один религиозный элемент современного глобального смешения, упуская при этом какие-то специфические черты, без учета которых анализ будет неполон» (р. 6).

Излишне говорить, что и аутсайдеры, в свою очередь, обладают особыми преимуществами: они сохраняют свободу от некоторых крайних суждений и оценок, встречающихся у инсайдеров. Например, аутсайдеры могут критично подходить к руководству пятидесятников, которое инсайдеры порой описывают почти в агиографическом благоговении; или они могут дистанцироваться от новой моды доводить реабилитацию пятидесятничес-

ва до уровня его романтической идеализации.

Таким образом, объединение усилий одних и других служит более ясному пониманию целого. Но сам факт присутствия инсайдеров и аутсайдеров среди авторов книги требует от каждого из них методологической рефлексии; можно сказать, они вынуждены отвечать на принципиальный эпистемологический вызов, с которым сталкиваются как нейтральные академические ученые, так и вовлеченные («ангажированные») авторы: как соединить эмический и этический подходы (*emic and etic*), взгляд изнутри и взгляд извне? Это относится к выбору источников, к способам интерпретации этих источников, к учету существующих публичных и академических пристрастий и стереотипов, и ко многим другим аспектам.

Книга разделена на три части: (1) Междисциплинарные перспективы; (2) Социальные и гуманитарные науки; и (3) Теология. Первая часть открывается текстом Алана Андерсона, который посвящен центральной теме «многообразия, таксономии и определения», то есть попытке разобрататься с пугающим разнообразием пятидесятническо-харизматического христианства и страшной неразберихой периодов, «волн», «направлений» и «сект». Андерсон не пытается

дать жесткого определения, но ссылается на витгенштейновский принцип «семейного сходства» (*Familienähnlichkeit*): «Описывая и определяя что-либо, — пишет Андерсон, — нужно оставлять „размытые края“, так чтобы неточное определение все же могло иметь смысл» (с. 15). Далее Андерсон последовательно рассматривает несколько подходов к таксономии пятидесятничества, предлагая весьма подробный и поучительный анализ. Он начинает с «типологического подхода» (основанного на «опыте Святого Духа» как ключевом тропе), затем останавливается на подходе социальных наук, переходит к историческому подходу и завершает обзор подходом теологическим. Каждый из этих подходов по-своему полезен для понимания феномена в целом. В заключении он замечает, что «для мультидисциплинарного изучения глобального пятидесятничества нужна широкая таксономия, которая бы использовала аналогию „семейного сходства“; это позволит учесть и все его исторические связи, и его теологические и социологические аспекты» (р. 27).

Далее следует не менее глубокий анализ Андре Дрогерса, касающийся «эссенциалистского и нормативного» подходов к пятидесятничеству. Дрогерс пишет: «Быть может, более чем другие дисциплины, религиоведение в целом в силу своей специфи-

ки склонно к таким подходам [то есть нормативному и эссенциалистскому. — А.А.]. И изучение пятидесятничества не является исключением. Некоторые его крайне специфические черты особо к этому располагают» (р. 31). С этим же связана дилемма эмического/этического (взгляда изнутри и взгляда извне). Дрогерс пишет о необходимости идти узким путем «между Сциллой и Харибдой позитивистского и конструктивистского решения проблемы субъективности» (р. 42). Насколько острой является эта проблема в случае исследования пятидесятничества, хорошо видно из истории религиозных и академических нормативных споров, сопровождающих изучение пятидесятничества.

Глава Михаэля Бергундера посвящена тому, как на изучение пятидесятничества повлиял «культурный поворот» в гуманитарных науках. Эта глава представляет собой хороший пример того, как постструктуралистская эпистемология помогает увидеть этот феномен как *дискурс* или *серию дискурсов*, связанных как с религией, так и с наукой. Бергундер показывает, в частности, насколько такой *дискурсивный подход* позволяет понять пятидесятнически-харизматическое христианство не в «классических» терминах «деноминации» или даже «религиозной традиции», а как некую «сете-

вую структуру». Он также деконструирует пятидесятничество в направлении де-вестернизации, делая особый акцент на постколониальных, подчиненных (*subaltern*) представлениях об источниках всего явления, его практик и идеологии (я вернусь к этому акценту ниже).

Элизабет Бруско обращается к пятидесятничеству в контексте гендерных исследований, касаясь диспропорции в нем между преобладанием женщин и непреложностью мужского лидерства, и предлагает анализ соответствующей проблематики, опираясь на опыт собственных полевых исследований в Колумбии, где она изучала и сравнивала нарративы женщин и мужчин. Гендерный аспект рассматривается и в главе Генри Гурена, посвященной центральному феномену евангелической культуры — обращению (*conversion*). Автор опирается на свои полевые исследования в Центральной Америке (Гватемала и Никарагуа). Его главная идея состоит в том, чтобы рассматривать обращение не как одноразовый радикальный переворот (по образу обращения апостола Павла «на пути в Дамаск»), а как *conversion carrier* — длительный процесс, зависящий от многих переменных личного, социального, институционально-го плана.

Биргит Майер в своей главе рассматривает пятидесятниче-

ство с точки зрения глобализации; она основывается на конкретном материале, собранном в Гане (Африка), но ставит проблемы теоретического порядка: насколько верны классические, восходящие к Максус Веберу, представления о связи между протестантизмом и капитализмом — и всей секулярной современной перспективой — в виду новых фактов, указывающих на религиозное «заколдовывание» (*re-enchantment*) глобального мира позднего модерна? Далее Майер объясняет историю успеха пятидесятничества в терминах «глобализации» — его уникальной «способности помещать локальное в рамки более масштабных представлений. В этом смысле пятидесятничество все время пребывает в процессе становления, оно является движением и действием (*performance*), а не сложившейся религиозной системой, опирающейся на застывшие структуры» (p. 121). (Это видение корреспондирует с тем представлением о «сетевой структуре», о котором в своей главе говорил Бергундер; см. выше). Другой важный акцент Майер делает на том, что она называет материальностью и вещественностью (*materiality and tangibility*) пятидесятников (p. 127) — их стремлении к телесному опыту и ориентацией на потребление, что прямо противоположно стерео-

типному представлению о классическом протестантском посюстороннем аскетизме и самодостаточной духовности.

Четыре последующих главы, составляющих вторую часть книги, посвящены подходам, соответствующим различным дисциплинам: психологии, антропологии, социологии и истории (Стефан и Одило Хубер, Джоэл Роббинс, Стивен Хант и Корнелиус ван дер Лан соответственно). Каждый подход имеет собственные преимущества и дополняет наше общее представление о пятидесятничестве. В психологии авторы различают экзогенные и эндогенные подходы: первый опирается на общиесылки нынешних психологических теорий, второй сфокусирован на психологической динамике внутри пятидесятников (и групп и индивидов). В антропологии выделяются три пункта: пятидесятничество как культурный процесс (показывается, «как пятидесятничество с его акцентом на *разрыве* влияет на культурный процесс, вводя новую динамику культурных изменений» — р. 173); пятидесятничество как проживаемая религия (*lived religion*); и соотношение феномена пятидесятничества с *modernity*. Социология религии продолжает рассматривать классический вопрос о *modernity* (здесь исходный контрапункт — вклад Дэвида Мартина как в из-

учение пятидесятничества, так и в теорию секуляризации). Социологический подход также позволяет пересмотреть фундаментальный вопрос о демографии и социальном составе пятидесятничества; задуматься об обоснованности «теории депривации» как способа объяснения беспрецедентного роста пятидесятничества; рассмотреть возможность понимания пятидесятничества как «нового религиозного движения»; провести объединенный анализ «ривайвелизма» и «рутинизации» как ключевых социальных механизмов, действующих внутри религиозных обществ и проч.

Ван дер Лан, представляющий «исторический подход», ссылается на свой опыт изучения ранних голландских пятидесятников и их миссии в Лицзяне (Китай) в 1920-х годах, однако он высказывает несколько более общих соображений относительно того, как следует заново интерпретировать имеющиеся исторические источники. Он продвигает один из сильных тезисов рассматриваемой книги в целом: необходимость де-американизировать и в целом де-вестернизировать глобальную историю пятидесятничества. Он пишет: «Пока наша история будет зависеть от опубликованных писем, отчетов и периодических изданий западных агентств и их миссионеров, наше понимание оста-

нется сильно искаженным. Такие документы и тексты были написаны с расчетом на западное восприятие — с целью получения поддержки для работы миссий» (р. 210). Ван дер Лан делает вывод, что рост пятидесятничества следует объяснять, исходя из *местных* мотивов и *локального* духовного и социокультурного поиска.

Кстати, создается впечатление, что таково общее убеждение участников этого сборника и всего проекта *GloPent*: в том же духе предложенные в других главах книги теории «сетевой структуры», «множественности источников» и «контекстуализации» обращают внимание на, так сказать, *экс-центрическое* содержание всего феномена, т. е. отсутствие единого центра. Возможно неслучайно, что *GloPent*, как *европейский* проект, скептически относится к представлению о североамериканском генезисе пятидесятничества. Поскольку большинство авторов занимаются исследованиями в разных частях западного мира (Латинская Америка, Африка и Азия), они склонны именно к де-вестернизации — причем, это, конечно, не только эмпирическая, но также и методологическая, эпистемологическая де-вестернизация. Во всяком случае, фактом является то, что *ныне* феномен пятидесятнически-харизматического христианства принадлежит

«миру большинства», то есть не западному миру, «глобальному Югу».

Редакторы пригласили богословов-пятидесятников, тексты которых составили третью часть книги. Четыре главы посвящены четырем богословским дисциплинам: пневматологии, миссиологии, практической теологии и экуменизму (авторами являются соответственно Вели-Матти Кэркяйнен, Амос Йонг и Тони Ричи, Марк Картледж и Сесил Робек-мл.). Создается впечатление, что эти главы не совсем интегрированы в книгу; тем не менее таково было сознательное решение редакторов: дать голос ученым-пятидесятникам и дополнить книгу богословием, которое, между прочим, обычно считается маргинальным для подчеркнуто *опытного* характера пятидесятничества. Авторы третьей части не отрицают этого тезиса о центральном значении личного опыта для всех евангеликов; и все же обращение к теологии позволяет учитывать то, что обычно игнорируется. Джоэл Роббинс в своей главе, написанной в антропологической перспективе, говорил о необходимости знать теологию пятидесятников — категориальную и интеллектуальную рамку «популярных (устных) теологий», которые изучают исследователи-эмпирики. Теология пятидесятников, ранее по большей части маргинальная и «не-академиче-

ская», в последние десятилетия стала более зрелой; в ней содержится, по крайней мере, часть тех основных идей, которые характерны для феномена глобального пятидесятничества. Более того, в теологических построениях мы можем обнаружить важные изменения, касающиеся истории восприятия и самовосприятия (самоидентификации) пятидесятников в разных религиозных и секулярных контекстах по всему миру.

В целом (за исключением одного досадного упущения — отсутствия анализа растущего *политического* влияния пятидесятничества) рассматриваемая книга глубоко раскрывает все главные темы, освещает теоретические и концептуальные аспекты наиболее актуальных дискуссий, имевших место в последние десятилетия. Широта и глубина делают эту книгу поистине вехой в научном изучении пятидесятничества.

А. Агаджанян